

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В РАБОТАХ Н. А. РУДЯКОВА

YURI V. DOROFEEV

INTERPRETATION OF ARTISTIC WORK IN THE WORKS BY N. A. RUDYAKOV

**Юрий Владимирович
Дорощев**

доктор филологических наук, доцент
yuvld@mail.ru

Крымский республиканский институт
постдипломного педагогического
образования,
Российская Федерация, 295000,
Симферополь, ул. Ленина, 15
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского,
Российская Федерация, 295007,
Симферополь, пр. Вернадского, 4

Yuri V. Dorofeev

Doctor in Philology, Associate Professor
Crimean Republican Institute of Postgraduate
Pedagogical Education,
15, ul. Lenina, Simferopol, 295000,
Russian Federation
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4, pr. Akademika Vernadskogo, Simferopol,
295007, Russian Federation

В статье рассматриваются основные теоретические положения теории текста как инструмента социального взаимодействия. Обозначены перспективы использования методики интерпретации для решения ряда проблем, связанных с изучением текста, в частности для формирования навыков читательской грамотности. Восприятие текста, его понимание и интерпретация являются ключевыми умениями для современного человека, поэтому разработка методики, обеспечивающей их формирование, является одной из приоритетных задач отечественной лингвистике. Ставится цель определить особенности современной теории текста, используя оригинальную методику интерпретации художественных произведений в работах Н. А. Рудякова, на основе которой возможно построение методики формирования читательской грамотности. Анализируемая в рамках исследования теория текста учитывает основные принципы анализа текста, выработанные в лингвистике, и обеспечивает разработку строгого и типового метода интерпретации текста. Этот метод обладает доказательностью, базирующейся на представлении о тексте как функциональной системе, которая создается и существует с определенной целью. В основе методики Н. А. Рудякова лежит тезис о роли в тексте противоречия между должным и данным, которое выступает как системообразующий фактор и проявляется в характерной для данного произведения соотносительности языковых средств. Соответственно, содержание текста рассматривается с позиции его влияния на читателя. В качестве объекта исследования выступают теоретические положения работ Н. А. Рудякова и ключевые характеристики текста, выделенные им в рамках предложенной концепции. Главной идеей настоящей статьи является необходимость внедрения в образовательную практику методики, в рамках которой работа с текстами ориентируется на эффективное социальное взаимодействие и формирование навыков читательской грамотности.

Ключевые слова: теория текста, стержневой элемент, читательская грамотность, интерпретация, противоречие между должным и данным, Н. А. Рудяков.

The article considers the main theoretical provisions of the theory of text as a tool for social interaction. The prospects for using the interpretation technique to solve a number of problems related to the study of the text, in particular for the formation of reading literacy skills, are outlined. The perception of the text, its understanding and interpretation are key skills for a modern person, so the development of a technique that ensures their formation is one of the priority tasks in domestic linguistics. The goal is to determine the features of the modern theory of text, using the original methodology for interpreting works of art in the works of N. A. Rudyakov, on the basis of which it is possible to build a methodology for the formation of

reading literacy. The theory of text analyzed in the study takes into account the basic principles of text analysis developed in linguistics and ensures the development of a strict and typical method of text interpretation. This method has evidence based on the idea of the text as a functional system that is created and exists for a specific purpose. The methodology of N. A. Rudyakov is based on the thesis about the role in the text of the contradiction between the due and the given, which acts as a system-forming factor and is manifested in the correlation of linguistic means characteristic of a given work. Accordingly, the content of the text is considered from the position of its influence on the reader. The object of the study is the theoretical provisions of N. A. Rudyakov and the key characteristics of the text, identified by him within the framework of the proposed concept. The main idea of this article is the need to introduce into educational practice a methodology within which work with texts is oriented towards effective social interaction and the formation of reading literacy skills.

Keywords: text theory, core element, reading literacy, interpretation, contradiction between should and given, Nikolai A. Rudyakov.

Введение

Для современной лингвистики принципиальным является обращение к тексту как основному объекту исследования, поскольку он наиболее отчетливо демонстрирует особенности языка как инструмента социального взаимодействия [Рудяков 2023]. Лингвистика в XXI в. оказалась перед необходимостью осмыслить по-новому не только свой объект, но и гносеологические и методологические основания, что отмечается во многих работах последних десятилетий [Зубкова 2003; Макаров 2003; Рудяков 2023; и др.]. Но истоки современных концепций всегда связаны с предшествующими этапами развития отечественного языкознания, и поэтому нам кажется необходимым обратиться сегодня к тем исследованиям, которые отчасти (а возможно, и в большой степени) повлияли на формирование современных представлений о тексте как центральном объекте лингвистики.

В соответствии с этим *цель* исследования — показать, с одной стороны, взаимообусловленность современной функциональной теории текста и формирования читательской грамотности как важнейшего компонента образования, а с другой — становление теории восприятия и интерпретации текста в работах Н. А. Рудякова, который стал автором оригинальной методики анализа

художественных произведений, отражающей новый этап в развитии отечественной лингвистики и позволяющей сегодня сформировать у обучающихся необходимые навыки в области понимания текстов.

Состояние изучения вопроса. Безусловно, рассмотрение текста в лингвистике в последние десятилетия прошлого столетия с учетом предшествующей традиции [Виноградов 1971; Ларин 1974; Лотман 1970; и др.] характеризует общий вектор смещения интересов языковедов и свидетельствует о том, что возрастает значимость синкретичных практико-ориентированных исследований [Валгина 2003; Михайлов 2006; Пранцова, Романичева 2015; Теория 2010; Тюпа 2009], которые сегодня концентрируются вокруг понятий «смысловое чтение» и «читательская грамотность».

Текст на протяжении долгого времени был предметом пристального внимания ученых, а выявление закономерностей его структуры и функционирования входило в круг основных практических задач филологов с момента зарождения языкознания. Но до конца второй трети XX в. текст, как правило, определялся как объект, интерпретация которого напрямую зависит от исследователя и поэтому является в значительной степени субъективной. Поэтому Б. А. Ларин, характеризуя достижения в области исследования художественных текстов на современном ему этапе, писал: «Раскрытие того, что “задано” в тексте писателя, во всю его колеблющуюся глубину, можно условно назвать “спектральным анализом стиля”. Это намечается как перспектива работы, еще не осуществленной. Когда методы такого анализа будут отработаны, мы получим стилистику, о которой нечего будет и спорить» [Ларин 1974: 278]. Но разрешение намеченной проблемы в рамках стилистики или любого другого раздела языкознания или литературоведения представляется затруднительным, а то и невозможным, поскольку, во-первых, каждый раздел оперирует своим категориальным аппаратом и, во-вторых, причина расхождений во взглядах авторов работ по поэтике в большей степени заключается в отсутствии теории, которая позволила бы обобщить полученные результаты.

Таким образом, одной из ключевых проблем в сфере анализа и интерпретации текстов на протяжении долгого времени оставалось отсутствие общих методологических и гносеологических основ [Брудный 1998]. Более того, по словам В. И. Заики, «многие современные исследования, посвященные вопросам художественной речи, художественной экспрессии, языковой картины мира и пр., при наличии четкой методики отбора и строгости процедур анализа и представления материала не обнаруживают не только методологического единообразия, но, нередко, и какой-либо методологической определенности вообще» [Заика 2000: 167]. Вследствие этого в рамках теории текста сосуществует достаточно много «частных» моделей, которые кладутся в основу конкретных исследований и для которых главным является сохранение принципа внутренней непротиворечивости, а «степень адекватности моделируемому объекту в этом случае отходит на второй план» [Степанченко 1991: 8]. В частности, наблюдается сближение литературоведческих и лингвистических методов, которые рассматриваются как взаимодополняющие способы всестороннего исследования художественного текста [Болотнова 2007; Николина 2003]. Особенно часто при обсуждении проблемы восприятия и интерпретации текста ученые стремились исходить из возможности сближения литературоведческих и лингвистических методов описания текста, рассматривать их как взаимодополняющие способы всестороннего исследования произведений литературы. Однако такое объединение различных аспектов изучения текста на основе их синтеза при всей привлекательности и возможной плодотворности этого объединения вряд ли возможно, поскольку, как отмечалось ранее, сами подходы к интерпретации часто строятся на взаимоисключающих методологических основаниях.

Очевидно, что подобные решения проблемы анализа текста нельзя считать удовлетворительными: внутренняя непротиворечивость методики анализа текста, и даже ее действенность в определенных условиях, еще не являются абсолютным свидетельством в пользу научности и обоснованности теоретической базы. Поэтому для разработки теории текста принципиально определить

теоретические основания, парадигму, в рамках которой эта теория складывается и развивается. И именно рассмотрение текста как орудия воздействия на читателя позволяет, с одной стороны, увидеть его не с точки зрения структуры или семантики, а с позиции функциональной обусловленности, а с другой — показать практическую ориентированность конкретной методики анализа и интерпретации.

Как представляется, именно в работах Н. А. Рудякова [Рудяков 1972; Рудяков 1989; Рудяков 1993] получил воплощение принципиально новый подход к языковым явлениям, хотя ученый для описания результатов своих исследований использовал терминологию соответствующего этапа развития лингвистики, называя свой метод анализа стилистическим, и поэтому концептуальная новизна его работ осталась, по сути, недооцененной. Между тем изложенные принципы восприятия текста выходят далеко за рамки поэтики и стилистики художественного текста. Раскрытию сущности предложенной Н. А. Рудяковым методики анализа и установлению ее гносеологических основ и эмпирического потенциала был посвящен ряд работ представителей крымской школы функциональной лингвистики, что позволило показать эвристический потенциал и теоретическую значимость методики для современных исследований в области функциональной (читательской) грамотности. В частности, идеи, заложенные в работах Н. А. Рудякова, нашли современное и полное выражение с опорой на концепцию лингвистического функционализма в работе А. Н. Рудякова «Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология» [Рудяков 2013]. Исследователь подчеркивает специфику функционального подхода, который противопоставляется коммуникативному, и исходит из представления о функции не как о способности единицы или языка к функционированию, а как о системообразующем факторе, который обуславливает бытие языка и его единиц. Точно так же текст как форма реализации языка предназначен для выполнения соответствующей функции воздействия, и именно эта функция определяет его устройство. Представленная в работах Н. А. Рудякова методика позволяет посмотреть на текст именно с такой точки зрения.

Ключевые характеристики текста в концепции Н. А. Рудякова

На фоне споров о сущности текста и принципах его исследования работы Н. А. Рудякова были восприняты как одна из многих попыток разработать методику анализа и интерпретации художественного текста. Этому способствовало и то, что Н. А. Рудяков назвал свой метод анализа стилистическим, что в значительной степени определило оценку метода современниками и его место в лингвистике. Однако, рассматривая основные концептуальные положения методики анализа на фоне современной лингвистической теории, можно с уверенностью утверждать, что в работах ученого были реализованы основные принципы, которые сегодня закладываются в основу формирования читательской грамотности у школьников, а изложенные им закономерности восприятия текста выходят далеко за рамки поэтики и стилистики художественного текста.

Исходным положением рассматриваемой теории является интерпретация текста относительно отражения позиции говорящего/пишущего, которая не совпадает с представлениями реципиента. Как отмечает Н. А. Рудяков в работе «Поэтика, стилистика художественного произведения», «сущность языка состоит в том, что он выражает не только деятельность мысли — понятия, суждения, но еще и представления, заключающие в себе чувственно-волевое отношение к понятиям и суждениям» [Рудяков 1993: 11]. Этот тезис является принципиальным, поскольку в наиболее отчетливой форме определяет возможности языка в плане структурирования мира с позиций субъекта речи. То есть текст (особенно художественный) представляет собой не просто отражение действительности, он выражает субъективное отношение автора к миру, явлениям, фактам, представлениям и т. д. Сама по себе идея определяющего субъективного (авторского) начала в тексте формулировалась и ранее: «В разных сферах речевого общения экспрессивный момент имеет разное значение и разную степень силы, но есть он повсюду: абсолютно нейтральное высказывание невозможно» [Бахтин 2000: 279], а Ю. М. Лотман подчеркивал,

что «автор стремится навязать слушателю свою модель мира, победив предшествующий художественный опыт, эстетические нормы и предрассудки слушателя» [Лотман 1970: 348]. Однако тот факт, что отбор объектов изображения и весь языковой материал, используемый для создания текста, подчиняются одной цели — в наиболее четкой форме выразить определенную идею, которую автор «навязывает» читателю, — нередко остается без внимания исследователей.

Таким образом, текст представляет собой результат речевой деятельности, которая в силу своей специфики не может быть направлена на непосредственное преобразование реалий окружающего мира, ее целью является преобразование фрагмента картины мира в сознании адресата речи и в конечном счете влияние на систему ценностей и поведение субъекта восприятия текста. Поэтому закономерно, что в рамках предложенной Н. А. Рудяковым методики основой текста является противоречие между должным и данным, в рамках которого автор выражает свое отношение к фактам и явлениям действительности «с позиции идеала, то есть представления о должном и желаемом» [Рудяков 1993: 21]. Соответственно, противоречие, выявляемое в тексте, подчеркивает воздействующую силу текста и служит тем исходным моментом его создания, оттолкнувшись от которого «возможно раскрыть логику организации, взаимосвязи и взаимообусловленности всех его компонентов» [Рудяков 1993: 42].

Исходя из противопоставленности в тексте двух позиций (данного и должного), Н. А. Рудяков разделяет текст на две части: первую — исходную, в которой факт объективной действительности изображен так, как «он представляется обыденному сознанию» [Рудяков 1993: 75]; вторую — основную, в которой содержится «отношение автора к предмету изображения, проявляющееся в форме осознанного противоречия между обыденным представлением о предмете и авторским идеалом» [Рудяков 1993: 75]. Подчеркнем, что сочетание «обыденное сознание» в данном случае выступает как определение предмета изображения в рамках традиционных, устоявшихся в социуме представлений, а также то, что исходная и основная части

далеко не всегда располагаются в линейном порядке и могут даже быть параллельны друг другу. Таким образом, авторское отношение к изображаемому является ничем иным, как представлением об идеале, а представление об идеале всегда конфликтно и «обнаруживает себя в произведении как противоречие между должным и данным» [Рудяков 1993: 80].

По мнению Н. А. Рудякова, в художественном произведении «механизм утверждения нового понимания образа предмета изображения состоит в том, что в пределах текста происходит смена признака, являющегося центром этого образа: признак, представляющийся существенным для обыденного сознания, сменяется признаком, который автор считает истинным» [Рудяков 1989: 23]. И важную роль здесь играет «семантическая соотнесенность слов или других языковых единиц: в слове, которое в исходной части произведения выражает обыденное представление о предмете, в последующем тексте происходит преобразование семантической структуры, изменение иерархии ее компонентов» [Рудяков 1989: 23]. Именно в этом преобразовании и проявляется авторская интерпретация изображаемого объекта действительности, который выступает в тексте как «стержневой элемент», объединяющий произведение в единую систему и позволяющий проследить основные этапы в развитии замысла автора.

На основании перечисленного Н. А. Рудяков выстраивает процедуру анализа и интерпретации художественного текста: 1) определение композиции, то есть выявление исходной и основной частей произведения, а также противоречия, которое заложено в тексте; 2) определение тех языковых средств, которые оказываются соотнесенными в пределах данного текста и представлены в исходной и в основной частях произведения; 3) анализ стержневого элемента и определение нового, разного смысла, возникающего в тексте вследствие характерной только для него соотнесенности языковых единиц [Рудяков 1989: 78].

Таким образом, рассматриваемая методика анализа и интерпретации текста исходит из того, что текст создается с целью оказать воздействие на представления читателя/слушателя, изменить

их соответствующим образом (хотя и не всегда успешно). Следовательно, поскольку нет и не может быть бесцельной речи, текст только тогда может быть проанализирован и истолкован в соответствии с его назначением, когда мы увидим в нем инструмент воздействия на читателя.

Проиллюстрируем приведенные положения рядом примеров.

Стихотворение С. Поделкова «Горы оседают...»¹ при буквальном прочтении не позволяет выявить языковые единицы, готовящие семантический сдвиг в основной части, к которой относится заключительная строфа. В центре внимания в данном случае оказываются слова, которые обозначают исчезновение чего-нибудь, а с ними читатель склонен сопоставлять слово «остаются». Эти слова действительно соотносятся, но их соотнесенность является исключительно «внешней», то есть общеязыковой (они воспринимаются как антонимы). А в качестве составляющих стержневого элемента выступают заключительные строки каждой строфы, именно на основе этой соотнесенности возникает новый, образный смысл стихотворения.

Исходную часть составляют четыре строфы. В первой строфе идет речь о земных катаклизмах, после которых «реки высыхают» (испаряются), и от них остаются только русла (углубления в почве). Следующая строфа строится по такому же принципу. Говорится об уничтожении травы степным пожаром. После этого сохраняются только корни (подземная часть растения, посредством которой оно укрепляется в почве). В третьем четверостишии птицы улетают осенью, и после них остаются гнезда (место жилья, кладки яиц и выведения детенышей). В четвертой строфе с приходом осени с деревьев опадают листья, оставляя после себя ветви (боковой отросток, побег, идущий от ствола дерева). Наконец, в заключительной строфе, которая составляет основную часть, речь идет о людях, которые «жить мечтают» и после которых остаются песни (стихотворные и музыкальные произведения для исполнения голосом).

Несмотря на то что все четверостишия построены по одной и той же схеме, в них говорится о явлениях, достаточно далеких друг от друга. Однако, по мнению автора, между ними существует

какая-то связь, и цель интерпретации — выяснить, в чем заключается сходство описанных автором фактов. Это возможно сделать только на основе анализа соотношенности языковых единиц, составляющих текст.

Кажется, что в словах «высыхают», «выгорают», «улетают», «оппадают», «умирают» на первый план выходит сема «исчезновение» (исчезнуть — значит перестать существовать, пропасть, скрыться), и таким образом слово «исчезнуть» оказывается гиперонимом для перечисленных глаголов. В каждом конкретном случае остается то, что служит основанием для нового, последующего появления того, что исчезло: рек, трав, птиц, листьев, людей. Содержание заключительной строфы приобретает несколько парадоксальный вид: люди возрождаются из песен. Явным становится противопоставление первых четырех строф и последней строфы, что позволяет определить противоречие, лежащее в основе стихотворения: для возрождения человека недостаточно материальной основы. Стержневым элементом текста становятся заключительные строки каждого четверостишия: в первых четырех основа для возрождения материальная (русла, корни, гнезда, ветви), в последней — духовная (слово «песни» означает достижение духовной культуры). Семантический сдвиг происходит в слове «песни» и заключается в том, что песни выступают не в качестве произведений искусства, а в качестве основы для возрождения людей.

В стихотворении А. С. Пушкина «Что в имени тебе моем?»² исходную часть составляют три строфы, а основную — четвертая строфа. Противоречие между объективной действительностью и авторским идеалом обозначено уже в первых строках: «Что в имени тебе моем? Оно умрет». В дальнейшем это противоречие углубляется: «Оно... оставит мертвый след», «Забывтое давно». В чем же, собственно, суть замеченного автором противоречия?

Прежде всего следует обратить внимание на то, в каком значении выступает слово «имя». Речь идет о личном названии человека, которое ему дают при рождении. Автор задается вопросом: какое значение имеет человеческое имя для окружающих? С точки зрения обыденных представлений

имя получает следующие характеристики: «Оно умрет, Как звук печальный / Волны, плеснувшей в берег дальний»; «Оно на памятном листе / Оставит мертвый след»; «Забывтое давно». Эти характеристики соотносятся между собой. В первой строфе имя рассматривается как сочетание звуков, которые постепенно затихают. Во второй строфе имя есть сочетание букв, значение которых недоступно пониманию («...след, подобный / Узору надписи надгробной / На непонятном языке»). В третьей строфе у имени отрицается свойство быть напоминанием о каких-либо событиях. Так, во всех трех строфах последовательно отрицаются все свойства имени, благодаря которым оно приобретает значимость для людей.

Данная интерпретация возможна только в случае последовательного чтения стихотворения. Попытки сразу же соотнести смысл последней строфы с предыдущими будут только затруднять анализ текста. В стихотворении со слова «но» начинается основная часть, в которой автор высказывает свое мнение о сущности и значимости имени, и, следовательно, последняя строфа противопоставлена по своему значению трем предыдущим. Звучание имени приравнивается к воскрешению всего, что связано с определенным человеком. Таким образом, слово «имя» приобретает новое значение: имя является неотъемлемой частью человека, оно непосредственно связано с конкретной личностью.

Стержневым элементом является слово «имя». Изменения в его значении обусловлены следующими соотносительными языковыми единицами: «что в имени», «звук печальный», «мертвый след», «забывтое давно», «не даст воспоминаний», «память обо мне». В каждом четверостишии «имя» получает новое толкование: имя — это пустые звуки; имя — это непонятная надпись; имя — это то, что забудется под наплывом новых впечатлений; имя — неотъемлемое качество человека. Соотношенность данных толкований порождает новое понимание сущности и значимости человеческого имени.

Выводы

Устройство текста определяется его функцией, которую можно определить как «нормализацию

сознания и поведения собеседника в соответствии с представлениями о должном и желаемом» [Рудяков 1998: 32]. Именно такое представление о художественном тексте — как о средстве решения противоречия между идеалом говорящего и реальностью, средстве приведения картины мира в сознании реципиента в соответствие с идеалом говорящего — лежит в основе методики анализа и интерпретации текста, предложенной Н. А. Рудяковым.

Ученый строит методику анализа, которая по своей сути исходит из назначения текста, что является актуальным для современного этапа развития теории языкознания и реализации прикладных аспектов русистики, в частности формирования у обучающихся навыков читательской грамотности, позволяющих воспринимать текст как целостный объект, извлекать из него информацию разного рода и использовать ее в своей деятельности.

Методика Н. А. Рудякова опирается на рассмотрение текста как средства внедрения в сознание читателя нового понимания объекта изображения, как инструмента влияния на когнитивную сферу реципиента (не только в плане эстетическом, но и в плане ценностных ориентаций). Такой подход демонстрирует движение современной лингвистики от структурализма к функционализму, который сегодня, в частности, проявляется в систематической работе в области функциональной грамотности, охватывающей в том числе грамотность читательскую. Формирование различных видов функциональной грамотности в значительной степени опирается на работу с текстами разных видов, поэтому методика Н. А. Рудякова позволяет по-новому увидеть и оценить ряд ключевых проблем современного языкознания (подготовка школьников к информационной обработке текстов, навыки создания текстов в соответствии с поставленными задачами в различных сферах деятельности, применение результатов лингвистических исследований в области информационных технологий и др.). Также представленная методика позволяет преодолеть терминологическую эклектичность и определить границы восприятия и интерпретации текста, предотвратить типичные ошибки в этой сфере.

Рассмотрение метода анализа и интерпретации текста, предложенного Н. А. Рудяковым, в контексте современной лингвистики позволяет выявить принципы, лежащие в основе данного метода, и раскрыть его продуктивность и эвристический потенциал. Обширный эмпирический материал, собранный в результате применения указанного метода (см. работы Ю. В. Дорофеева, Р. В. Забашты, М. Г. Маркиной-Гурджи, А. С. Бурдиной), также свидетельствует, что метод строгий и типовой, а его результаты повторимы, то есть его может использовать каждый, кто овладел соответствующей теорией и приобрел необходимые навыки. Таким образом, метод обладает доказательностью, основанной на представлении о тексте как о функциональной системе, которая создается и существует с определенной целью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <https://rupoem.ru/podelkov/gory-osedayut-nedra.aspx>.

² <https://rustih.ru/aleksandr-pushkin-chto-v-imeni-tebe-moem/>.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин 2000 — Бахтин М. М. *Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук*. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
- Болотнова 2007 — Болотнова Н. С. *Филологический анализ текста: учеб. пособие*. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2007. 520 с.
- Брудный 1998 — Брудный А. А. *Психологическая герменевтика*. М.: Лабиринт, 1998. 336 с.
- Валгина 2003 — Валгина Н. С. *Теория текста: учеб. пособие*. М.: Логос, 2003. 280 с.
- Виноградов 1971 — Виноградов В. В. *О теории художественной речи*. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.
- Заика 2000 — Заика В. И. *Эстетическая реализация языка*. В сб.: *Rozważania metodologiczne. Język — Literatura — Teatr*. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2000. С. 167–180.
- Зубкова 2003 — Зубкова Л. Г. *Общая теория языка в развитии: учеб. пособие*. М.: Изд-во РУДН, 2003. 472 с.
- Ларин 1974 — Ларин Б. А. *Эстетика слова и язык писателя*. Л.: Художественная литература, 1974. 285 с.
- Лотман 1970 — Лотман Ю. М. *Структура художественного текста*. М.: Искусство, 1970. 364 с.
- Макаров 2003 — Макаров М. Л. *Основы теории дискурса*. М.: Гнозис, 2003. 278 с.
- Михайлов 2006 — Михайлов Н. Н. *Теория художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений*. М.: Академия, 2006. 224 с.

Николина 2003 — Николина Н. А. *Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений*. М.: Академия, 2003. 256 с.

Пранцова, Романичева 2015 — Пранцова Г. В., Романичева Е. С. *Современные стратегии чтения. Теория и практика. Смысловое чтение и работа с текстом*. М.: Форум, 2015. 368 с.

Рудяков 1998 — Рудяков А. Н. *Лингвистический функционализм и функциональная семантика*. Симферополь: Таврия-плюс, 1998. 224 с.

Рудяков 2013 — Рудяков А. Н. *Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология: учеб. пособие*. М.: Флинта; Наука, 2013. 312 с.

Рудяков 2023 — Рудяков А. Н. *Функция и язык: к регулятивной парадигме в лингвистике*. М.: ЯСК, 2023. 216 с.

Рудяков 1989 — Рудяков Н. А. *Основы анализа художественного текста*. Киев: Наукова думка, 1989. 152 с.

Рудяков 1972 — Рудяков Н. А. *Основы стилистического анализа художественного произведения*. Кишинев: Штиинца, 1972. 180 с.

Рудяков 1993 — Рудяков Н. А. *Поэтика, стилистика художественного произведения*. Симферополь: Таврия, 1993. 146 с.

Степанченко 1991 — Степанченко И. И. *Поэтический язык Сергея Есенина (анализ лексики)*. Харьков: ХГПИ, 1991. 189 с.

Теория 2010 — *Теория текста: учеб. пособие*. Чувакина А. А. (ред.). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта; Наука, 2010. 224 с.

Тюпа 2009 — Тюпа В. И. *Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений*. 3-е изд., стер. М.: Академия, 2009. 336 с.

REFERENCES

Бахтин 2000 — Bakhtin M. M. *Author and Hero: Toward the Philosophical Foundations of the Humanities*. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2000. 336 p. (In Russian)

Болотнова 2007 — Bolotnova N. S. *Philological text analysis*. 3rd ed. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 2007. 520 p. (In Russian)

Брудный 1998 — Brudnyi A. A. *Psychological hermeneutics*. Moscow: Labirint Publ., 1998. 336 p. (In Russian)

Валгина 2003 — Valgina N. S. *Text theory*. Moscow: Logos Publ., 2003. 280 p. (In Russian)

Виноградов 1971 — Vinogradov V. V. *About the theory of artistic speech*. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1971. 240 p. (In Russian)

Заика 2000 — Zaika V. I. *Aesthetic realization of language*. In: *Rozważania metodologiczne. Język — Literatura — Teatr*. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2000. P. 167–180. (In Russian)

Зубкова 2003 — Zubkova L. G. *General theory of language in development*. Moscow: Izdatel'stvo RUDN Publ., 2003. 472 p. (In Russian)

Ларин 1974 — Larin B. A. *Aesthetics of words and the writer's language*. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1974. 285 p. (In Russian)

Лотман 1970 — Lotman Iu. M. *The structure of a literary text*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1970. 364 p. (In Russian)

Макаров 2003 — Makarov M. L. *Fundamentals of Discourse Theory*. Moscow: Gnozis Publ., 2003. 278 p. (In Russian)

Михайлов 2006 — Mikhailov H. N. *Theory of literary text*. Moscow: Akademiia Publ., 2006. 224 p. (In Russian)

Николина 2003 — Nikolina H. A. *Philological text analysis*. Moscow: Akademiia Publ., 2003. 256 p. (In Russian)

Пранцова, Романичева 2015 — Prantsova G. V., Romaniчева E. S. *Modern reading strategies. Theory and practice. Semantic reading and working with text*. Moscow: Forum Publ., 2015. 368 p. (In Russian)

Рудяков 1998 — Rudiakov A. N. *Linguistic functionalism and functional semantics*. Simferopol': Tavriia-plus Publ., 1998. 224 p. (In Russian)

Рудяков 2013 — Rudiakov A. N. *Axes and texts. Linguistic Instrumentology*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 2013. 312 p. (In Russian)

Рудяков 2023 — Rudiakov A. N. *Function and language: Towards a regulatory paradigm in linguistics*. Moscow: IaSK Publ., 2023. 216 p. (In Russian)

Рудяков 1989 — Rudiakov N. A. *Basics of literary text analysis*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1989. 152 p. (In Russian)

Рудяков 1972 — Rudiakov N. A. *Basics of stylistic analysis of a work of art*. Kishinev: Shtiintsa Publ., 1972. 180 p. (In Russian)

Рудяков 1993 — Rudiakov N. A. *Poetics, stylistics of a work of art*. Simferopol': Tavriia Publ., 1993. 146 p. (In Russian)

Степанченко 1991 — Stepanchenko I. I. *Poetic language of Sergei Yesenin (lexical analysis)*. Khar'kov: Izdatel'stvo Khar'kovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta Publ., 1991. 189 p. (In Russian)

Теория 2010 — *Text theory*. Chuvakina A. A. (ed.). 2nd ed. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 2010. 224 p. (In Russian)

Тюпа 2009 — Tiupa V. I. *Analysis of literary text*. 3rd ed. Moscow: Akademiia Publ., 2009. 336 p. (In Russian)